

Анна Зорина

Анна Владимировна Зорина родилась в 1983 году. Родилась и выросла в городе Петропавловске на севере Казахстана.

Занималась в Мастерской «О поэтах и стихах» Екатерины Скабардиной. Принимала участие в различных литературных конкурсах, фестивалях и семинарах, в том числе во Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках (2021, 2022) и в фестивале памяти В. С. Высоцкого «Я только малость объясню в стихе» (2023).

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Александр», «Бельские просторы», альманахах «Веретено», «Образ» и других.

Посещает творческую мастерскую «Лифт» от Совета молодых литераторов Новосибирска.

Живёт в Новосибирске. Пишет стихи и прозу.

Бременские музыканты

Ты можешь мне верить, а можешь совсем не верить,
Но если есть время, то всё же, прошу, останься.
По тёмному мху бредут через осень звери,
Идут и поют тихонечко в ритме вальса.

А в городе дождь, а в городе стынь и слякоть
Стекает по небу и бьётся о подоконник.
И хочется спать, и хочется лечь и плакать
О том, что нет сил ни жить, ни творить, ни помнить,

Что солнце вернётся, весною, по крайней мере,
Не будет печали, а станет легко, как прежде.
Сквозь сумрачный лес бредут по дороге звери
И где-то в горячем сердце несут надежду.

Обветренный мир опять обернула темень,
Но если совсем ни зги – запевайте, братцы!
А кот и петух бредут по дороге в Бремен,
И пёс, и осёл идут по дороге в Бремен.
А значит, и нам, приятель, нельзя сдаваться!

Девочка со спичками

Девочка помнит: измаялось в парке лето,
Кружат в карусели пони,
Жёлтое платье, что было на ней надето.
А маму уже не помнит.

Детская вера рассыпалась на осколки:
Отец, алкоголь и драки.
Добрым живётся мучительно и не долго –
Ей нравится ник Табаки.

Чай из пакета «какая-то там принцесса»,
Но это уже не важно.
В урну газету – давно не заботит пресса:
Бессмысленный хлам бумажный.

Девочка знает, её хорошо учили.
Хвалили, увы, не часто.
В старой джинсовке лежит шоколадка с чили –
Горчащий кусочек счастья.

Долгие сборы – плохая в пути привычка.
Горит под ногами клевер.
Девочка молча прикуривает от спички.
Дорога ведёт на север.

Месяц тоненький вьётся песней,
Затмевая печаль людскую.
Нет мотива того известней –
Это Зверь по тебе тоскует.
Заколочены в душу двери
От беспечных пустых прохожих.
Ты один понимаешь Зверя.
Он тебя понимает тоже.

Со свободой на «ты», как ветер.
Там ночлег, где застанет вечер.
Оставайся душою светел
До единственной вашей встречи.
Не большая, видать, потеря
То, что было всего дороже.
Ты один не боишься Зверя.
Он тебя не боится тоже.

Вы однажды столкнётесь взглядом —
Кровь напалмом вскипит по венам.
Вдруг захочешь всегда быть рядом
И узнаешь его мгновенно.
В полушаге замрёшь, не веря:
Вы до боли внутри похожи.
Ты один не покинешь Зверя.
Он тебя не покинет тоже.

Нелетописное

Я сложил бы тебя из косых очертаний дождя,
Из щенячьего визга, из грязи и алого канта.
Ты опять обернёшься, меня за собой уводя
в тихий утренний сон,
Нерождённый, как сын некроманта.

Я сводил непростые знакомства с тюрьмой и сумой:
То пытался бежать, то пытал без особых прелюдий.
Ты приснился однажды, подкинутый смертью самой,
Невозможный. Непрошенный. Мой. Ни себе и ни людям.

Хорошо, что сижу, а не то б непременно упал.
Я осколками жизни запястья свои полосую
И твержу твоё имя, мой сын, именованный всею.
– Нечестивец, безбожник! – лопочет смурная толпа.

Ты невольно прищуришься, взглядом тяжёлым сверля,
Отразишься спонтанными мыслями в битой посуде.
А меня, как положено, примет сырая земля,
И она, ничего не простив, никогда не осудит.

Я на множество мерзостей душу свою разменял,
В неизбежном посмертии участь моя – колдовская.
Но ни свет, ни погибель не могут решать за меня,
И я имя твоё, как дыхание, с губ отпускаю.

Покидает солнце зенит,
Разнотравный льётся дурман,
Лепестками лето звенит.
И чертог лесной не тюрьма:
Мне в тени сухой бузины
Выстилает мхами постель
Суетливый друг коростель
До зимы.

«Не гуляй в лесу допоздна»,
Но в траве цветов кружева.
Ни тоски, ни боли, ни сна.
То, что я давно не жива,
До сих пор никто не узнал.

И, как дань былой красоте,
Лишь сухих и ломких костей
Белизна.

Обнимает лес вековой,
Злые тайны верно хранит.
Над моей пустой головой
Покидает солнце зенит.
Прорасту медвяной травой,
Разведу меж рёбер ужей.
Жаль, и это чудо уже
Не впервой.

«Не бузи, я здесь гость», –
Прорвалось наизнанку и вскользь.
Ты не белая кость,
А пустяк, припорошенный пылью.

Штрихпунктиром следов
Разделяюсь на «после» и «до»,
Как бегущей водой,
Стерегущей картонные крылья.

Не вздыхай тяжело.
Как кружилось? Как вовсе жилось?
Видно, жёлтая ось
Не волшебная, не золотая.

Мы сидим на стене,
Не несущей ни внутрь, ни вовне,
О кощунстве корней
С неусыпным Шалтаем болтая.

Мы едем в шестом вагоне.
Молчим, от жары не стонем.
Притихли, смирились, стухлись
С отчаявшейся толпой,

Давясь бичпакетным паром,
Миазмами перегара.
Но здесь на шестые сутки
Так тянет уйти в запой.

И поезд у нас комфортный,
Да лица вокруг *post mortem*:
Безумие исказило.
Суровый вагонный Босх.

Ползёт по окошку муха.
В стакане и в горле сухо.
Движения через силу:
«Спаси нас, помилуй, Бог!»

Газетное оригами.
Наш поезд идёт кругами.
Обычный плацкартный хоррор —
Никто в нём не виноват.

Мы дремлем в шестом вагоне,
Как овцы в чужом загоне,
А он, набирая скорость,
Всё глубже несётся в ад.

Эскапада

Тонкими ми на цыпочках —
В клюквенный фа-бемоль.
Вот и трещит по ниточкам
Рванный самоконтроль.

Фальшью гремит над липами
Старый дворовый бой.
В этой игре мне выпали
Танцы с самой собой.

Не отойти от зеркала,
Не пересечь черту.
Вроде себя я встретила,
Только опять не ту:

Смотрит, от страха белая,
В тоненьких пальцах дрожь.
«Всё, — говорит, — я сделаю,
Только меня не трожь».

Что, обомлела, выскочка,
Со стороны взглянув?
Не заступи резиночку,
Не оборви струну!

Нарисуй меня, падший лётчик,
Чем бесцельно глаза таращить
На земле суетливых ящериц
Перебором тире и точек.

Нарисуй меня, пьяный странник,
Коньяком по ночному небу.
Нарисуй, уходящий в небыль,
Солью жгучей в открытой ране.

Нарисуй же! Мне нужно очень –
С перегибистым нотным станом.
А то вдруг и меня не станет,
И останется только прочерк.

Здравствуй, Карлсон. Как ты, точнее, где ты?
Я, наверно, и правда, ужасно взрослый:
Вместо шуток и смеха одни вопросы,
На которые мне не найти ответа.

Друг мой, Карлсон, веришь ли, я художник
И тружусь оформителем детских книжек.
Правда, чуда в работе уже не вижу,
И от этого мне на душе тревожно.

Как сто тысяч неоновых новых люстр,
Светят вывески ночью, и мне не спится.
Я любые могу пересечь границы,
Только в детство, как жалко, уже не пустят.

А луна зацепилась за шпили башен.
Безнадёга такая, что впору плакать!
В прошлом месяце, Карлсон, умер папа,
И от этого стало по-детски страшно.

Тут, я сам понимаю, гордиться нечем.
Ты, конечно, всегда был безумно смелым.
Вот рисую тебя угольком и мелом,
И от этого сразу немного легче.

Я сижу в тишине на покато́й крыше
И никак не пойму, что же делать дальше.
Этой осенью в школу пойдёт сынишка.
Прилетай, познакомлю. *Твой Сванте-старший.*